

В

общие-то я уже давно научилась называть его Петербургом, просто прицепилась ко мне эта песенка, когда собралась ехать. А уезжала я на вернисаж, как в добрые старые времена ездили на премьеры, — на один день. Мне случилось, конечно, и на выставки ездить, если их не привозили в Москву, но здесь другой случай. В Мраморном дворце открылась выставка живописи и графики вполне московского художника — Дмитрия Крымова. Живопись я видела у него в мастерской, замечательная живопись, настоящая. Потом увидела в каталоге тогда еще не открыв-

Уезжаю в Ленинград, как я рада...

шейся выставки коллажи (я, правда, не уверена, что он сам так их называет, но надо же как-то определить; есть еще похожая японская техника аппликации из рваных кусочков бумаги). И с первого взгляда приросла к "Избиению младенцев". Я долго подбирала здесь слово, кажется, нашла подходящее. Это даже не восторг и не восхищение, это мгновенное узнавание и особенное удовольствие от безошибочности выбора — ведь действительно не нужны никакие подробности, все здесь уже есть: несколько фигурок из крафта и слой бумажек. Дима показал каталог, оставил приглашение и ушел. А я через пару дней поняла, что просто нестерпимо хочу все это увидеть на стенах дворца, где сейчас — может, не все знают, — филиал Русского музея. Конечно, если совсем честно, хотелось, как всякому нормальному человеку, и по городу немножко походить, но ради этого я не сдвинулась бы с места, да еще в такую погоду.

Ну вот, из любви к искусству я, несмотря на мокрый снег и прочие прелести петербургского климата, ровно в четыре часа поднялась по красивой лестнице и обнаружила, что выставка открывается совсем не так, как я привыкла. Всегда все сначала ходят по залам, рассматривают картины, потом собираются в назначенное время в кружок и слушают речи. Здесь мы стояли на площадке и слушали речи — очень корот-

кие. Потом к микрофону выпустили самого художника. Он с некоторым испугом нас оглядел и сказал, что в первый раз в жизни стоит по эту сторону, как-то ему здесь непривычно. А потом открылись двери, и мы потекли в залы.

Когда я в первый раз смотрела на крымские картины, они мне напомнили что-то неопределенно французское (понятно, что я не имею в виду ни Энгра, ни Пуссена). Потом — русскую живопись начала века; и здесь я даже могу перечислить почему — да хотя бы из-за настоящих этикеток на ненастоящих бутылках. Но это не подражание, а то самое, что скучно называют, кажется, "преемственностью" и прочими умными словами. А если проще — чем больше я смотрела, тем яснее понимала: ему есть что сказать, и это неизмеримо больше сюжета картины, а отсюда — и полная свобода техники, и то, что материал оказывается второстепенным, и вместе с тем каждый раз необходимым, это безошибочный выбор. Ни разу не возникает вопроса, почему здесь понадобилось приклеить луговицу, там — привязать шнурок, а вот эта картина вообще состоит из двух холстов, состыкованных под прямым углом (так и висит — в углу зала).

Можно, конечно, все объяснить. Зачем, например, понадобилось в работах из цикла "Россия. 1946" дорисовывать части фотографий — допустим, это обрывки воспоминаний, ну, и так далее. Но диалог ведется на другом уровне и на другом языке, и словами всего не скажешь, перевод все равно окажется неполноценным.

Я все это пишу, рассказываю, а на самом деле медленно, растягивая этот процесс, подбираюсь к любимым работам, для меня — главным. Нет, я не считаю, что раз здесь евангельские сюжеты — значит, вот эти вещи и есть "наиболее значительные в творчестве..." Но я много видела картин с теми же сюжетами — да и кто их не видел? — и много раз объясняла на всяких экзаменах и зачетах, кто, как и почему именно так изобразил. Поймите правильно — я совершенно не собираюсь перечеркивать историю искусства, и кроме того, вполне допускаю, что кто-то может напрочь не принять этих бумажных ангелов и "Благовещение" с приклеенными яблочными семечками. Но для меня это было и открытием, и потрясением, и я ходила, ошарашенная от восторга и изумления, между "Положением во гроб" и "Избиением младенцев", оказавшимся еще лучше, чем на репродукции. Боюсь описывать — ну, что вы себе представите, если я скажу, что бумажные фигуры несут еще одну бумажную фигуру, в которой проделано много рваных дырочек? А умные объяснения рядом с предельной простотой этих листов будут выглядеть просто идиотскими. Мне очень хотелось бы сравнить все это с мультипликацией, но боюсь, мало кто поймет, что я имею в виду — полную свободу, предельную обобщенность, как нельзя более далекую от схематизма, и силу воздействия.

Я очень рада, что нашлись люди, способные помочь устроить такую выставку, что работы Дмитрия Крымова висят в таком хорошем месте; но знаете, чего мне захотелось сразу после вернисажа, вернее, как только поезд отошел от Петербурга? Чтобы этот месяц поскорее прошел, и картины вернулись бы в Москву, и можно было бы снова их увидеть.

Александра ВАСИЛЬКОВА

экран и сфера.

- 1994. - 22-25

мая. - с. 6.